

САМОКРУТКА *).

Что ни городъ, то поровь.

Что ни деревня, то обычай.

Пословица.

Что въ нижегородскомъ, напр., уѣздѣ составляетъ не только рѣдкость, но даже неслыханное дѣло, то, напротивъ, въ сеѣднемъ семеновскомъ, считается за обыденный фактъ. Нѣсколько разъ приводилось мнѣ бывать во многихъ мѣстностяхъ семеновскаго уѣзда, каковы села: Богоявленье, Перелазъ, Покровское, Быдрѣвка и Пятницкое, гдѣ я, по возможности, старался познакомиться съ обыкновеніями жителей, и между прочими странностями, особенно поразило меня обыкновеніе вѣнчать свадьбы, по мѣстному выраженію, *самокруткой*. Въ памяти моей особенно крѣпко запалъ случай, поразившій меня послѣдствіями этой самокрутки.

Разъ, проходя мимо одного селенія, я слышу шумъ и гамъ, точно на пожарѣ. Было уже позднее время (около 12 часовъ ночи).

Проходя перекресткомъ деревни, я увидалъ толпу крестьянъ, собравшихся около ветхой и смиренно наклонившейся

*) Объ уводѣ невѣсть, какъ объ обычаяхъ, существующемъ, кажется, исключительно въ нижегородской губерніи, особенно распространенномъ въ семеновскомъ, макарьевскомъ и балахинскомъ ея уѣздахъ, едва ли не первый сообщилъ въ печати П. И. Мельниковъ, въ № 7 «Ниж. Губ. Вѣдомостей» за 1845 г., который онъ тогда редактировалъ. Обыкновенно родители нисколько не сердатся на своихъ дочерей, повѣнчавшихся самокруткой, и принимаютъ участіе въ веселомъ ширѣ, и рассказанный авторомъ настоящей статьи случай составляетъ крайне рѣдкое исключене; объ этомъ онъ, впрочемъ, и самъ говоритъ, въ концѣ статьи. — *Ред.*

впередъ избы: одни изъ нихъ съ неистовствомъ кричали и выдались на окна, другіе били въ ворота, не скупясь при этомъ на всевозможныя ругательства, третьи ползали по кровлѣ двора, стараясь проникнуть внутрь избы.

На вопросъ мой, въ чемъ дѣло, они оглянулись и, видя во мнѣ чужого человѣка, нѣсколько притихли и своимъ недружелюбнымъ видомъ какъ-бы спрашивали: «а тебѣ что за дѣло»? Послѣ непродолжительнаго молчанія, изъ среды ихъ, выступилъ утомленный сѣдой старикъ, по видимому, лѣтъ 50, и, вѣроятно, сочтя меня за чиновника (судя по одеждѣ), сказалъ:

— Ваше благородіе! До чего мы дожили, что нынче за законъ и права? По-истинѣ послѣднее время,—взяли дочь и выскку нѣтъ! Вступите для Бога въ защиту, если это въ волѣ и власти вашей... Старикъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ.

— Я человѣкъ не то, чтобы богатъ больно былъ, да и не бѣдѣвъ, благодаря Бога, нужды много нѣтъ, продолжалъ старикъ. Семья моя дружна и кругла была до топерешнихъ поръ,— у меня, вишь ты, въ семьѣ, всего: я, хозяйка, мать старуха, да дочь Дуня, еще есть, правда, двое малолѣтчиковъ, да что ихъ и считать-то,—топерь, вишь ты, вражье-ли ужъ на меня навожденіе, лѣшій-ли обошолъ ее непутную, вздумала она идти за-мужъ, украдкой, за Ваську Грибанова, да съ нимъ и пропала. Онъ ей не пара, нѣтъ! Объ немъ худая слава во всемъ околodкѣ, а насъ ище Богъ хранилъ,—онъ мужикъ бѣдный—нѣтъ у него ни кола, ни двора. Да и вся семья ихъ не путная! Онъ-то вотъ, Васька-то Грибановъ, рокозъ ему въ бокъ *), прохладаясь, въ бесѣдкѣ, разными лукавствами, соблазнилъ Дуньку-то мою, да насильственнымъ манеромъ, вишь ты, перстень съ ружи у ней снялъ, да выдернулъ ленту изъ косы и не за-знамо намъ подхватилъ, да видно и дунуль въ село, повѣнчаться. Что мнѣ дѣлать топерь? Я вижу она посрамила меня и себя,—а вѣдь дѣтище-то мое, топерь вотъ и жаль и досадно,—потому-то я изъ кожи лѣзу, чтобы какъ нибудь воспрепятствовать ей и не попустить погибнуть душой

*) Мѣстная брань.

и тѣломъ, а если ужъ это не удастся,—пропаль я бѣдный!
Да и ей хорошаго-то не будетъ! Провлянѹ ее!

Узнавши, отъ меня, что я иду въ сосѣднее селеніе, гдѣ живеть знакомый мнѣ священникъ, старикъ просилъ меня убѣдить его не вѣнчать дочь его. Я согласился и торопливо пошелъ въ село, до котораго было не болѣе 2 версты, въ надеждѣ, что застану бракъ еще не вѣнчаннымъ. Подойдя къ дому священника, я нашелъ его кругомъ крѣпко запертымъ, несмотря на то, что вблизи его—около церкви—толпился и разговаривалъ народъ. На стукъ мой въ окно, долго не было никакого отвѣта,—наконецъ, высунулась голова въ сборникѣ (голова бабушки) и сердито крикнула: «отстаньте, статуи, стучать-то», но когда она услышала мой голосъ, отперла мнѣ дверь, которую посиѣшню опять заперла за мной.

—А я думала это стучать вонъ ахиды-те! Съ этими словами она ввела меня въ избу.

Не видя въ ней священника, я предположилъ, что видно онъ свадьбу вѣнчаетъ и на вопросъ мой гдѣ онъ, старуха, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, отвѣтила:

—Вотъ пострѣлы-те одолѣли, съ самокруткой,—знать вѣнчать ушолъ, скоро придетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно явился священникъ.

Между прочими разговорами, я завелъ про свадьбу, только что имъ обвѣнчанную, передавалъ ему просьбу отца невѣсты, но на мои рассказы священникъ отвѣчалъ сухо:

—Вотъ-те диковина какая! Въ нашемъ краю это не новость, а вещь обыкновенная; отецъ-то объѣдется,—все перемелется, мука и будетъ.

Я видѣлъ, что разговоръ мой о самокруткѣ, какъ дѣлѣ обыкновенномъ въ краю, нисколько не интересуеть священника, и замолчалъ.

На другой день я присталъ съ разпросами о дальнѣшемъ ходѣ этой самокрутки и отъ очевидцевъ узналъ, что, по окончаніи брака, обыкновенно молодые-новобрачные отправились къ жениху въ домъ, гдѣ тотчасъ по ихъ приѣздѣ должна начаться брачная пирушка.

Народъ, съ обыкновеннымъ ему любопытствомъ, смотрѣлъ въ окна дома, внутрь котораго не пускали никого, изъ опасенія, чтобы родственники невѣсты, ворвавшись, не надѣлали буйства.

Между прочими зрителями пришелъ и отецъ невѣсты, встревоженный и, держа полѣно въ рукахъ съ бѣшенствомъ подошолъ къ окну—выбилъ раму и началъ ругаться.

Въ отвѣтъ на его неистовство мать жениха, съ запальчивостію, убѣждала его успокоиться.

Но отца никакія убѣжденія не могли успокоить. Не имѣя однако возможности отмстить новобрачнымъ, онъ отправился домой.

Новобрачные, по обыкновенію, должны были въ первую послѣ брака субботу идти на поклоны къ родителямъ невѣсты (прощаніе). Узнавъ это, я отправился, по старому знакомству, въ домъ отца молодыхъ, въ надеждѣ увидѣть, какъ это происходитъ. Около шести часовъ вечера дѣйствительно явились новобрачные и, стоя подъ окномъ, говорили:

—Батюшка и матушка! Пустите и простите, ради Бога!

Сначала долго не было изъ избы никакого отвѣта и только послѣ усиленной ихъ просьбы послѣдовалъ грозный голосъ отца:

—Нѣтъ тебѣ прощенья отъ меня, да и не жди! Прочь поди,—а не то, я провожу.

Мать молодой, старуха мягкосердечная, пыталась то ласками, то угрозами склонить своего мужа на прощаніе, но тотъ до того былъ обиженъ поступкомъ своей дочери, что ни за что не соглашался проститься.

Часа три торились бесполезно подъ окнами молодые, но ни плачь, ни просьбы имъ не помогли, и они должны были отправиться во-свояси, ничего не добившись. Такъ прошла недѣля, другая и третья, а молодые каждую субботу ходили на прощаніе, но все безъ толку.

Молодая сильно приуныла, —мысль о примиреніи съ отцомъ крѣпко начала ее тревожить, и она съ сердечнымъ сокрушеніемъ начала раскаяваться въ своемъ поступкѣ.

Вотъ уже въ субботу, на масляницѣ, послѣдовалъ обычный и послѣдній прїездъ молодыхъ къ отцу, на который собралась уже вся семья и различными просьбами и убѣждениями умоляла его простить, по обычаю христіанскому, хотъ ради наступающихъ великихъ дней поста, согрѣшеніе его дочери. Но и на этотъ разъ отецъ долго упорствовалъ, ругался, наконецъ моленіи обружающихъ нѣсколько поколебали его, и онъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, заплакалъ и видимо смутился,—подошелъ къ окну и сквозь стекла объявилъ молодымъ прощеніе, но не полное, говоря, что прощаетъ имъ, но все таки знаться съ ними больше не желаетъ.

Только и могли отъ него выбить; на искреннее и чисто-сердечное примиреніе, казалось, и нельзя было рассчитывать, потому что достаточно-же было времени уходить и гаменному сердцу.

Съ той поры дума Дуни о своемъ поступкѣ со дня на день начала все болѣе и болѣе тревожить ее, и она преждевременно начала таять и блѣднѣть. Какъ червь подгладываетъ молодое дерево и преждевременно лишаетъ его жизни, также зловредно дѣйствовало горе и на нашихъ молодыхъ.

Съ наступленіемъ поста, день-ото-дня, наша Дуня стала таять все болѣе и болѣе и изъ дѣвicy дородной скоро сдѣлалась суха и блѣдна. Точно стѣнь бродила она, понуря голову и, казалось, ей сдѣлался не миль и свѣтъ Божій. Не много накричала она. Захла и на страстной недѣлѣ отдала Богу душу.

Преждевременную кончину ея всѣ не только въ этой деревнѣ, но и въ окрестности приписали разстройству, происшедшему отъ брака, безъ благословенія отца.

Но подобный исходъ самокрутокъ встрѣчается какъ рѣдкость; по большей-же части родители прощаютъ своихъ дочерей, въ первую-же, послѣ брака, прощальную субботу; даже многіе преждевременно приглашаютъ дочь свою, съ новымъ зятемъ, на поклоны и, простивъ ихъ, дѣлаются соучастниками пира,—и неслыханное дѣло, чтобы родители, въ подобныхъ случаяхъ, обращались въ судъ, для навазанія своихъ дѣтей,

но въ силу русской пословицы «покорную голову и мечъ не сѣчетъ», по большей части, прощаютъ.

Любопытство мое на этотъ разъ не ограничилось однимъ разспросами о ходѣ самокрутокъ и мои наблюденія надъ однимъ случаемъ представляли многое для меня еще страннымъ и непонятнымъ, я старался повѣрить все собственными наблюденіями и узнать какимъ путемъ секретное сватовство доводитъ до результатовъ брака. Съ этою цѣлью я, мало-по-малу, успѣлъ сблизиться и войти въ короткія отношенія съ парнями-женихами, и они до того были откровенны со мной, что готовы были дѣлиться со мною всѣми своими секретами. Они зачастую приглашали меня въ бесѣдки и я, конечно, охотно соглашался на ихъ предложенія. Бесѣдки устраиваются слѣдующимъ образомъ: въ праздничное время (напр. святки), собирается извѣстное количество дѣвиць, примѣрно отъ 15 до 30, снимаютъ домъ, на нѣсколько вечеровъ, за который, по условію, платятъ или деньгами или своимъ рукодѣльемъ; въ извѣстный вечеръ зажигается фонарь, повѣшенный при входѣ на крыльцо, что служитъ знакомъ, что тутъ бесѣдка и открытъ входъ для всякаго ряженаго. Парни-ряженые приходятъ, пляшутъ, балагурятъ и садятся на выбранное ими мѣсто, возлѣ любой дѣвушки, въ чемъ не встрѣчаютъ никакого препятствія, и мало по малу начинаютъ откровенно объясняться въ чемъ угодно. Посѣщенія эти продолжаются нѣсколько разъ и ряженые покупаютъ гостинцевъ: орѣховъ, пряниковъ или еще чего нибудь въ этомъ родѣ, на прилавкѣ, который устраивается, около порога, въ каждой бесѣдкѣ, для этой цѣли, и начинаютъ дарить дѣвиць по своему выбору—что называется *приманивать*, и часто тутъ-же секретно открываетъ паревъ дѣвиць свое намѣреніе—взять ее за себя.

Въ рабочую-же пору, дѣвицы собираются въ жилия избы, на посѣдки, тоже по десятку и болѣе, и тамъ занимаются работою—обыкновенно пряжей. Къ нимъ ходятъ парни и носить съ собою тѣхъ-же гостинцевъ, за что дѣвушки поютъ имъ пѣсни.

Частенько посѣщая эти посѣдки и свободно объясняясь въ чемъ угодно, парни доводятъ дѣло, такимъ образомъ, до ко-

роткихъ отношеній и, выбравъ дѣвушку себѣ по нраву, убѣждаютъ выдти ее тихонько за-мужъ.

Та иногда отговаривается, представляя въ препятствіе и несогласіе родителей, и свою молодость, хотя часто ей уже около 20 и даже слишкомъ лѣтъ, но парень, съ горяча, беретъ на свою отвѣтственность всѣ хлопоты о примиреніи съ ея родителями.

Послѣ подобныхъ убѣжденій, онъ противъ притворнаго уже ея несогласія, насильно снимаетъ кольцо съ ея руки и беретъ изъ косы ленту—это служить для него знакомъ ея согласія, и если близко,—то отправляются прямо изъ бесѣдки вѣнчаться, а если это происходитъ въ деревнѣ, то на этотъ разъ, съ услугами своими, являются товарищи жениха, или самъ женихъ, заложивъ лошадь, подѣзжаетъ, беретъ невѣсту и скоро съ ней исчезаетъ.

Подруги невѣсты, изъ сожалѣнія къ ней или ненависти, часто бѣгутъ къ отцу и объявляютъ, что ихъ дочь укралъ такой-то—тѣ спѣшатъ отнимать, и если она не успѣла уѣхать, то, насильно берутъ ее отъ жениха обратно въ свою семью, если-же этого не удастся, то дѣло сдѣлано, и она уже обвѣнчана.

Что-же за причина, заставляющая вѣнчаться украдкой, самовольно и безъ согласія родителей?

Дѣло въ томъ, что, въ семеновскомъ уѣздѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, всякому необходима работница, которая нужна постоянно; по этому молодой человѣкъ нуждается въ женѣ, а отецъ—въ дочери, какъ въ работницѣ. При деспотической-же власти родителей надъ дѣтьми, отецъ никогда-бы не согласился выдать дочь за-мужъ добровольно, не желая лишиться даровой рабочей силы, и если-бы не самокрутка, не одна дѣвушка прожила-бы у насъ вѣкъ свой, какъ говорится, «въ дѣвкахъ».

Для жителей нижегородскаго уѣзда, самокрутки дѣло несмысленное.

Здѣсь обыкновенно браки начинаются такимъ образомъ: по большей части, едва только жениху выходить 18 лѣтъ, и онъ уже начинаетъ высматривать себѣ пару, соображаясь при этомъ съ собственными матеріальными средствами, и посылаетъ

мать, сестру, тетку или чужую вовсе сваху, къ родителямъ высмотрѣнной невѣсты, съ предложеніемъ, — сваха объявляетъ: «вашъ-де товаръ, а наши деньги, такъ и такъ, не угодно-ли будетъ вамъ породниться—отдать свою дочь за такогото» и при этомъ изливаетъ все свое краснорѣчіе, въ пользу жениха, если еще онъ неизвѣстенъ, за что получаетъ отъ него башмаки или платокъ. Если-же женихъ и невѣста односельцы, и одинъ другому хорошо извѣстны, то это сватовство бываетъ съ меньшими хлопотами: сваха обращается сначала въ родителямъ невѣсты, съ предложеніемъ, и если не находятъ никакихъ препятствій и считаютъ жениха, по красотѣ и состоянію, достойнымъ невѣсты, то соглашаются и предлагаютъ невѣстѣ; та по большей части соглашается.

Послѣ этого родственники невѣсты дѣлаютъ условіе съ родственниками жениха о такъ называемой платѣ «на столъ», которая бываетъ различна, судя по состоянію жениха и невѣсты—отъ 10 до 70 р. с. Эти деньги поступаютъ на наряды невѣстѣ, а отцу на издержки по столу, послѣ брака. Первоначально на нихъ покупается невѣстѣ матеріи на москаль (сарафанъ), въ которомъ она должна вѣнчаться, платокъ, шаль или другіе головные уборы, а на остатки закупаются припасы, для стола. Условившись, такимъ образомъ, о платѣ на столъ, въ слѣдующій вечеръ, является женихъ со свахой и родственниками, для окончательнаго рѣшенія,—тутъ уже не поминаютъ ни о деньгахъ, ни о приданомъ, а въ знакъ нерасторжимости предстоящаго брака, свать со сватомъ бьютъ по рукамъ и молятся Богу. Сажаютъ жениха, уже рядомъ съ невѣстой, за столъ, и начинается пирушка, называемая—«посѣщеніемъ жениха съ гостинцами» и въ это-же время, съ обоюднаго согласія, назначается день брака. Со дня окончательнаго рѣшенія и до дня брака, женихъ каждый вечеръ ходитъ къ своей невѣстѣ, съ гостинцами, и сидитъ у нея до поздняго вечера; сюда собираются и подружки невѣсты и своими пѣснями забавляютъ уже, въ послѣдніе, свою подругу, за что пользуются принесенными женихомъ гостинцами,—это называется «продавать невѣсту». Въ назначенный для брака день, женихъ является съ поѣздомъ, на которомъ, по большей

части, бывають всѣ родственники его, въ домъ невѣсты, гдѣ сажаютъ ихъ рядомъ, подѣ образа и, благословивъ ихъ, родители, на особыхъ лошадяхъ, отправляютъ ихъ въ церковь. Благословеніе производится такимъ образомъ: сажаютъ жениха по правую, а невѣсту по лѣвую сторону и рядомъ съ ней садится сваха.

— Дай-ко, свахонька, блюдечко или тарелочку, говоритъ сваха свахѣ.

— Изволь голубушка! отвѣчаетъ другая, подавая блюдечко или тарелку.

Первая насыпаетъ орѣховъ, или пряниковъ и, подавая другой, говоритъ:

— Богъ спасетъ, свахонька, что поили, кормили, да на ноги поставили, да намъ и доставили.

Съ этими словами женихъ и невѣста встаютъ, предъ ними отецъ и мать, съ иконами въ рукахъ, и они по поклону земному кладутъ сначала иконамъ, цѣлуютъ ихъ, а потомъ отцу съ матерью, потомъ снова иконамъ, до трехъ разъ, и отправляются въ церковь.

Священникъ А. Кордатовъ.